

Ся Е кивнула и медленно отсчитала двести юаней, с улыбкой обращаясь к классному руководителю:

— Учитель, вот двести юаней! Остальное пусть будет взносом Сюэин на классные нужды в будущем! Наказание за её недосмотр, но впредь, пожалуйста, не поручайте моей рассеянной подруге сбор денег. Она настоящая растяпа, да и трусиха к тому же! В такой спокойной обстановке школы она умудрилась потерять свои карманные деньги! Как нам, её родственникам, можно быть спокойными? Кстати, Сюэин, сколько ты потеряла?

Хань Сюэин смущённо ответила:

— Двести пять юаней!

Сказав это, она не осмелилась взглянуть ни на Ся Е, ни на учителя.

Глаза классного руководителя загорелись — это было почти годовой доход для одной семьи!

Ся Е вздохнула, глядя на Хань Сюэин:

— Дядя слишком тебя балует, раз дал тебе столько, не подумав, что ты ещё совсем юная! Как можно было сразу дать тебе деньги на два месяца? Маленькой девочке, только поступившей в школу, зачем такие суммы? Правда, учитель?

Классный руководитель, посмотрев на неё, наконец понял, что в её словах скрыт намёк. Ясно, что она даёт понять: у них денег хватает, карманные деньги больше, чем классные взносы, так что кто бы стал воровать их? Учитель кивнул:

— Мы продолжим расследование! В классе я всё проясню! Не волнуйтесь! Если деньги найдутся, мы обязательно компенсируем их Сюэин!

Ся Е осталась не совсем довольна. А если не найдут? Она лишь улыбнулась учителю:

— Тогда большое спасибо за ваши усилия! Кстати, Сюэин рассказала мне кое-что: её карманные деньги и классные взносы были вместе, завёрнуты в платок. Сюэин, опиши учителю свой платок.

Хань Сюэин описала платок: он был из парчи, с узорами, а главное — на нём была вышита красная пиона.

Классный руководитель кивнул:

— Хорошо, я запомнил. Но пока не ясно, украли их или она сама потеряла, ведь свидетель только Сюэин. Конечно, Сюэин, не переживай, я не сомневаюсь в тебе! Если подтвердится, что это кража, мы обязательно разберёмся! Если это действительно ученик нашей школы, мы не будем попустительствовать!

Ся Е, услышав это, наконец удовлетворённо сказала:

— В таком случае мы не будем вас больше задерживать! Сюэин, пойдём! Спасибо вам, учитель!

Классный руководитель проводил их до двери, смотрел, как они удаляются, и, покачав головой, вернулся в кабинет.

Выйдя из кабинета, Ся Е достала двести юаней и сто килограммовых талонов на продукты, протянув их Хань Сюэин:

— Возьми пока эти деньги! Я подумаю, как полностью решить твою проблему.

Хань Сюэин, увидев деньги, смущённо замахала руками, качая головой:

— Нет, нет, я не могу больше брать твои деньги! Ты уже так много для меня сделала! Позже я позвоню маме, и она мне переведёт немного.

Ся Е, держа деньги, сказала:

— Звонки разве бесплатные? А ждать, пока деньги придут, разве ничего не стоит? Ладно, бери, не будем тянуть время. В школе неудобно так разговаривать, просто возьми! Когда найдёшь свои деньги или получишь перевод, вернёшь мне.

Хань Сюэин, подумав, наконец взяла деньги, чувствуя благодарность и тепло в сердце.

Ся Е подумала, что дело наполовину сделано, остальное — её задача. Она сказала Хань Сюэин:

— Иди пока, отдохни! Если кто-то спросит, скажи, что временно всё улажено, и ты ищешь деньги.

Хань Сюэин кивнула и, неохотно, вернулась в общежитие.

Далеко на севере, за пределами города Ха, осень в этом году наступила внезапно, почти без предупреждения. Вчера ещё носили лёгкую одежду, а сегодня уже дрожали от осеннего ветра. В воспоминаниях Ли Лицю осень на северо-востоке всегда имела плавный переход, позволяя людям чётко различать времена года. Но почему в этом году всё иначе? Возможно, погода тоже чувствует одиночество. Ли Лицю подумала об этом.

Звук, похожий на то, как шелкопеды едят листья, наполнял класс. Ли Лицю, опираясь головой на левую руку, машинально водила ручкой по бумаге, выводя иероглиф «ночь» снова и снова, пока он не стал глубоким и чёрным. Она смотрела на него, думая о том, что её возлюбленный уже почти неделю в отъезде, и, слегка прикусив губу, её глаза наполнились тоской.

Её соседка по парте, Фан Цинь, заметив, что Ли Лицю снова задумалась, толкнула её локтем:

— Лицю, твой парень скоро вернётся! Не будь такой любовной мечтательницей!

Ли Лицю покраснела, опустила ручку и хотела пощекотать Фан Цинь, но та поспешно сдалась:

— Хорошая Лицю, я виновата! Не щекочи меня, я очень боюсь щекотки...

Видя, что Лицю не реагирует, Фан Цинь наклонилась к её уху и прошептала:

— Может, я дам тебе почитать рукопись, которую я переписываю?

Лицю, услышав о рукописи, шлёпнула Фан Цинь по руке:

— Плохая Сяо Цинь, я на тебя обижусь! Я же тебе говорила, что мой парень запретил мне переписывать! Даже если ты дашь мне её, я не стану читать!

Сказав это, она отодвинулась от Фан Цинь как можно дальше.

Фан Цинь фыркнула:

— Парень! Парень! Вечно твой парень! Лицю, ты отравилась! Отравилась ядом под названием «мой парень»! Почему ты всё делаешь, как он говорит? Посмотри, кто в нашем классе не читает? Только ты! А ведь там интересно!

На её лице появился румянец.

Лицю, глядя на Фан Цинь, ответила:

— Конечно, я слушаю его! А кого мне ещё слушать? Кроме того, там написаны всякие глупости! Мне нужно учиться!

Сначала она смутилась, а потом сжала кулак.

Фан Цинь усмехнулась и кивнула:

— Ладно, ладно, там просто про отношения. У тебя же тоже есть парень. Как вы с ним общаетесь...

Лицю, услышав, что она снова заговорила о её парне, поспешно закрыла ей рот рукой, воскликнув:

— Если будешь болтать, я тебя ударю!

Фан Цинь поспешно сказала:

— Эй! Лучше учись! Я больше не буду!

Пока они препирались, в класс вошли несколько человек. Некоторые ученики, заметив их, начали шептаться, привлекая внимание Фан Цинь и Лицю. Во главе группы шёл завуч, за ним следовали несколько учителей.

Завуч постучал указкой по кафедре и обратился к ученикам:

— Ученики, кто-то сообщил, что вы не учитесь, а только переписываете всякую ерунду! Ради вашего же блага сейчас выложите всё из своих портфелей на парты, затем встаньте рядом! Мы проведём проверку!

Затем он кивнул учителям.

Сначала в классе поднялся шум, некоторые пытались скрыть что-то, но учителя быстро их вычислили. Когда все ученики встали, завуч и учителя начали тщательно проверять каждую парту. Один за другим рукописи, завёрнутые в газету, извлекались из портфелей. Мальчики бледнели, девочки начинали плакать. У Фан Цинь тоже нашли одну, и она чуть не заплакала! К концу проверки на улице уже стемнело, и звонок на выход давно прозвенел.

— Всех записали? — спросил завуч.

Один из учителей кивнул:

— Всех, директор.

Завуч кивнул:

— Все, у кого нашли рукописи, завтра напишут объяснительную на две тысячи иероглифов! Отношение к ошибкам должно быть искренним и глубоким. В этот раз мы не ставим вам выговоры, но если такое повторится, вы сами знаете, что будет! Школа не воспитывает хулиганов!

Завуч постучал свёрнутой рукописью по кафедре и ушёл вместе с учителями.

Ученики, дрожа, сели на места, а те, кто не принёс рукописи, вздохнули с облегчением. Фан Цинь чувствовала себя так, будто её выжали, и, облокотившись на Лицю, жаловалась:

— Лицю! У меня ноги подкашиваются, я так испугалась! Хорошо, что не поставили выговор!

Лицю улыбнулась и ткнула её в лоб:

— Вот и не будешь больше переписывать!

Фан Цинь поспешно замотала головой:

— Нет, нет, я буду учиться у тебя! Твой парень молодец!

<http://bllate.org/book/15491/1373762>